

Ю. Ю. Полякова

ЦНБ Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна

**Драма Н. М. Минского «Осада Тульчина»:
проблема национального выбора**

Полякова Ю. Ю. Драма М. М. Минського «Осада Тульчина»: проблема національного вибору. В статті розглянуто драму М. М. Минського «Осада Тульчина» з точки зору її причетності до російсько-єврейської літератури. На підставі аналізу основного конфлікту драми, який виражено у протистоянні прихильника асиміляції де Кастро і рабина Аарона, вірного заповітам Тори, автор робить висновок про те, що проблематика драми Минського визначила подальші шляхи розвитку єврейської та російсько-єврейської драматургії ХХ століття.

Ключові слова: *російсько-єврейська література, історична драматургія, конфлікт.*

Полякова Ю. Ю. Драма Н. М. Минского «Осада Тульчина»: проблема национального выбора. В статье рассмотрена драма Н. М. Минского «Осада Тульчина» с точки зрения ее принадлежности к русско-еврейской литературе. На основе анализа основного конфликта драмы, выраженного в противостоянии сторонника ассимиляции де Кастро и раввина Аарона, верного заветам Торы, автор делает вывод о том, что проблематика драмы Минского определила дальнейшие пути развития еврейской и русско-еврейской драматургии ХХ столетия.

Ключевые слова: *русско-еврейская литература, историческая драматургия, конфликт.*

Poliakova Yu.Yu. "The Siege of Tulchin," a Play by N.M. Minsky: The Problem of Ethnic Identity. The article deals with the play "The Siege of Tulchin" by Nicolai Minsky, treating it from the point of view of its belonging to Russian Jewish literature. The main conflict of the play lies in the confrontation of De Castro, the assimilation advocate, and Rabbi Aaron, a staunch follower of the Torah's precepts. Analyzing this conflict, the reviewer argues that the play's subject matter determined the ways of the 20th-century Jewish and Russian Jewish drama.

Key words: *Russian Jewish literature; historical drama; conflict; ethnic identity.*

Творчество известного русского поэта, переводчика и публициста Н. М. Минского, прошедшего долгий путь от народничества к символизму, может быть рассмотрено в еще одном аспекте – в аспекте принадлежности к русско-еврейской литературе. Именно под таким углом еще в 20-е годы ХХ столетия рассматривал произведения Минского В. Львов-Рогачевский в своей монографии «Русско-еврейская литература» [4:107–111]. Сегодня двойственность мировоззренческой и национальной самоидентификации писателя начинает привлекать внимание ученых: этой проблеме посвящено диссертационное исследование Ольги Самсоновой, в котором упор сделан на анализ поэзии и публицистики Минского [7].

Под «русско-еврейской литературой» в иудаике традиционно понимается целый пласт художественных и публицистических произведений писателей еврейского происхождения, написанных на русском языке и отражающих проблемы еврейской жизни в России с позиции самоидентификации со своим народом [6]. Для представителей русско-еврейской литературы характерна приверженность русской и еврейской культуре, означающая, среди прочего, что творчество этих писателей в равной степени принадлежит двум народам. Таким образом, русско-еврейская литература является одной из составных частей еврейской словесности нового времени с эпохи Гаскалы (Просвещения; середина. XVIII в. – 80-е гг. 19 в.) – прогрессивного движения еврейской буржуазной интеллигенции. Центром Гаскалы была Германия, а позднее, примерно с 40-х годов XIX века – Россия. В это время маскилим (просветители), такие, как О. Рабинович, И. Тарнополь, ориентировались уже не на Германию, а на Россию, и для них главным языком культуры был русский.

Эта зарождавшаяся литература (как частично и последующее творчество русско-еврейских писателей) не была свободна от апологетичности и самоцензуры, поскольку писатель-еврей не забывал, что его читатель – не только еврей, но и русский, поэтому опасался быть превратно понятым.

В 1860–61 гг. в Одессе выходил издаваемый О. Рабиновичем журнал «Рассвет», многие сотрудники впоследствии которого заняли видное место в истории русско-еврейской литературы (публицист Лев Леванда, литературный критик Аким Волинский, поэт Семен Фруг). Основным направлением издания были просвещение, ассимиляция, русификация.

В 1870-х гг. центр русско-еврейской литературы переместился из Одессы в Петербург, где выходили журнал «Восход», в котором сотрудничали П. Никитин, П. Вейнберг, еженедельники «Рассвет», «Вестник русских евреев» и «Русский еврей». Появление этих изданий было связано как с ростом общественного антисемитизма в Центральной Европе и в самой России (отчасти в связи с русско-турецкой войной 1877–78 гг.), который вызвал протест передовой еврейской интеллигенции, так и с увеличением числа читателей, то есть евреев, освоивших русский язык, как в черте оседлости, так и за ее пределами.

Рубеж между первым, просветительно-ассимиляторским, и вторым, национально ориентированным, периодом русско-еврейской литературы проложили погромы 1881–82 гг., спровоцированные убийством Александра II. Основные мотивы нового периода, охватывающего 1880-е гг. и большую часть 1890-х гг., – горечь утраченных иллюзий и возврат к ценностям патриархальной жизни в гетто (возвращение на «еврейскую улицу»). Сыграла свою роль и массовая эмиграция евреев из России. Несмотря на изменение направления (так, «Рассвет» из проповедника обрусения превратился в орган палестинофильства), в русско-еврейской литературе не было полного отказа от просветительских идей ассимиляторства – в понятии «русский еврей» первая половина оставалась не менее важной, чем вторая.

Среди писателей, сотрудничавших с газетой «Рассвет» и журналом «Восход», был и Николай Максимович Виленкин (1856–1937), более известный под псевдонимом Минский. Можно утверждать, что на становление его общественного и творческого самосознания оказал сильное влияние и русско-иудейский диалог второй половины XIX века, когда представители еврейской диаспоры входили в русскую культуру.

Ранняя публицистика Н. Минского пронизана еврейской проблематикой. Писатель, стремясь к установлению взаимопонимания между диаспорой и коренным населением страны, занимался просветительством, знакомя читателя с историей и культурой еврейского народа. При этом Н. Минский совмещал верность своей социальной и этнической среде с искренним преклонением перед достижениями русской культуры, которые, как он считал, могли бы вывести еврейский народ Российской империи из состояния национальной замкнутости. Он писал в «Рассвете» и пользовавшиеся большим успехом статьи, посвященные злободневным вопросам, в том числе и проблемам еврейской диаспоры, никогда не противопоставляя евреев русским, поскольку был убежден, что судьба двух народов неразделима. Именно это позволяет считать Н. Минского одним из представителей русско-еврейской литературы.

В 1882 г. Минский принял православие, то есть формально перестал быть причисляемым к гонимому еврейскому меньшинству. Но этот шаг не избавил писателя от религиозно-национального дуализма, вылившегося позднее в создание новой философии (меонизма), в поиски третьего пути, наложившие отпечаток не только на публицистические выступления, но и на лирику и драматургию Минского.

Особенно показательна в этом смысле историческая драма «Осада Тульчина», в которой аллюзии на современность (на еврейские погромы 1881–1882 гг.) переплетаются с мучительным философским осмыслением судеб русского еврейства и поисками новых путей развития диаспоры.

Сюжет драмы был взят Минским из еврейской хроники XVII века «Пучина бездонная», написанной Натаном Нотой Ганновером, переведенной на французский язык Даниэлем Леви и изданной в 1855 г. [1:81–152]. Речь в ней идет о событиях времен Богдана Хмельницкого, когда в июне 1648 года казаки разорили город Тульчин (ныне – районный центр Винницкой области) [1:100–105].

Минский передает рассказ хрониста фактически без изменений, но при этом населяет драму выпуклыми и яркими персонажами, мотивы действий которых углубляют и оттеняют сюжет. Характеристики жестокого и импульсивного атамана Максима Кривоноса, коварного кобзаря, лихого красавца Юруся Войны, влюбившего в себя княгиню Зою, бесхарактерного князя Четвертинского, хитрого ксендза-иезуита беглы, но интересны и точны. Собственно, все побочные линии сюжета (взаимоотношения княгини и молодого раввина, любовная история Юруся и Зои, отношения между шляхтичами) только фон, на котором происходит столкновение между двумя еврейскими вождями – сторонником ассимиляции де Кастро и хранителем древних традиций Аароном.

Казацкое войско Кривоноса осаждает Тульчин, который вместе с поляками защищают и живущие в городе евреи. Из города к казакам отправляют двух лазутчиков – еврея и поляка, чтобы сообщить, что у осажденных достаточно хлеба, чтобы обороняться долго. Слепой кобзарь предлагает Кривоносу убить еврея, но отпустить поляка, чтобы посеять рознь в стане защитников Тульчина. Князь Януш

Четвертинский, стоящий во главе польского войска, склоняется к тому, чтобы сдать крепость, тем более, что казаки обещают не тронуть поляков, если им выдадут евреев и их имущество.

В центре пьесы – противостояние двух духовных лидеров еврейской общины. Выходец из Португалии Иосиф де Кастро, узнав о предательстве поляков, убеждает евреев в том, что надо достроить башню крепости и оборонять город. Ортодокс Арон утверждает, что воевать – не еврейское дело. Кастро уверен, что евреи изменились, что они обрели новую родину и должны уметь защитить землю, на которой живут. Арон же полагает, что «евреев защищает их беззащитность» [5:141], что у них нет иной родины, кроме Торы. Тору он противопоставляет мечу. И евреи опускают оружие, признавая его правоту.

Итак, что же следует делать: бороться за свою жизнь, защищая Тульчин, или, оставаясь чужими, встать над схваткой, молить о пощаде? Что важнее – верность традициям или новая отчизна? Этот вопрос звучал достаточно злободневно и во времена написания пьесы, когда в прессе поднимался вопрос, надо ли оказывать сопротивление при погромах.

Носитель новых идей и новой нравственности де Кастро готов жить и умереть с честью. Арон тоже готов умереть, он понимает, что отказ от борьбы не спасет евреев, но считает, что покорность даст возможность выжить хоть некоторым из них.

Арон.

Ох, дети. Вас погубит иноземец,
Он нам чужой, не знает, что издревле,
Нас защищает наша беззащитность.

А если б мы рискнули защищаться,
С лица земли нас стерли бы давно.

Кастро.

Так говорить ты можешь потому,
Что на тебе столетья тяготеют
Суровых бед, обид, насмешек горьких.

Ныне умереть желаннее стократ,
Чем жить, как вы доньше прозябали,
Равно дрожа пред жизнью и пред смертью,
Врагам своим внушая отвращенье... [5:141].

У де Кастро не хватает внутренней нравственной силы, чтобы удержать колеблющихся людей. К тому же старый раввин прибегает к казуистическим политическим доводам: если мы будем бороться, казаки из мести убьют евреев в других городах, надо пожертвовать собой во имя других, и это не трусость, а высшая доблесть:

Себя с детьми спасете лишь на время,
Но что тогда ждет в Польше наш народ?
Иль мало вам холопов, что хотите,
Против себя восстановить панов,
Единственных защитников доньше?..
Кто вам дороже: вы иль ваш народ?..
Страдали все, теперь пора и нам.
Умрем во имя бога и народа [5:188].

Но вот казаки штурмуют крепость, поляки открывают ворота и начинается жестокая расправа над евреями, хотя те и сложили оружие. Затем приходит черед поляков. Атаман Кривонос сохраняет жизнь де Кастро, позволяя ему увидеть гибель врагов-предателей. Потрясенный жестокостью казаков, де Кастро, человек европейского мировоззрения, ставящий жизнь людей превыше религиозных разногласий, умоляет Кривоноса пощадить своих бывших врагов. Он не требует мщения, смутно понимая, что страдание влечет за собой страдание. Разъяренный Кривонос убивает и его.

Пьеса была опубликована на страницах газеты русских сионистов «Восход» (1888, № 1–2) и лишь недавно переиздана в антологии «Родной голос» [5]. Минский закончил ее в 1883 г. и еще до опубликования «широко читал в петербургских литературных салонах» [8:80]. Почти полное отсутствие печатных откликов на пьесу связано, видимо, именно с местом ее опубликования: русские критики почти не уделяли внимания русскоязычной еврейской литературе. Одна из немногих рецензий была помещена на страницах газеты «Одесский листок» за 10 марта 1888 года в разделе «Искусство и литература». Незнакомый обозреватель, подробно останавливаясь на характеристике летописных источников пьесы, в конце писал: «В драме г. Минского это сопротивление дикой силе <...> положено в основу произведения, хотя сам автор, в лице тульчинского раввина, равви-Арона,

стоит, по-видимому, на стороне идеи «непротивления злу»... Дело в том, что по фабуле г. Минского, защиту Тульчина принял на себя молодой, в высшей степени симпатичный португальский еврей, Иосиф де Кастро. Своим мужеством он воодушевил осажденный город, и евреи под его предводительством мужественно отстаивали крепость и свою жизнь. Но и зато равви-Арон, пользовавшийся глубоким уважением своего народа, пламенно проповедовал, что сопротивление врагу – бесполезно, даже губительно: сопротивление силе должно погубить еврейский народ» [2:3]. По мнению рецензента, мысль о «непротивлении» является «ядром всей драмы даровитого поэта» [2:3].

Это мнение разделяет Л. Коган, автор монографии «Еврейская русскоязычная литература»: «...Автор не отдает кому-либо из еврейских вождей предпочтение, но, будучи в жизни противником толстовского учения о непротивлении злу насилием, все же симпатизирует де Кастро» [3:129].

Львов-Рогачевский, напротив, полагает, что «старый учитель в изображении поэта – выше и сильнее» [4:110]. Позволим себе не согласиться с этим утверждением. Хотя Минский к моменту опубликования драмы уже принял христианство, он был далек от позиции Толстого. И симпатии Минского явно на стороне де Кастро (кстати, этого персонажа, в отличие от Арона, нет в летописях). Поднаторевший в казуистике раввин, на словах провозглашавший готовность к смерти во имя идеи, – единственный, кто остается в живых после учиненной казаками резни. Его призыв умереть не распространяется на его самого. И последние слова Арона (ими кончается пьеса) свидетельствуют не о смирении и не об обращении к вечности, а об иезуитской политической подоплеке происходящего. Он говорит Кривоносу, только что истребившему поляков Тульчина:

Я рад.
Узнав про твой предательский поступок,
Вам более паны не будут рады,
Но неприлично радость выражать,
Когда господь карает человека [5:210].

Конфликт между де Кастро и Ароном – это конфликт между старым образом мышления и новым. Разногласия между ними имеют глубокий политический и философский смысл. В итоге, по Рогачевскому: «Художник не идет за ассимилированным де Кастро, но он не в силах идти и за ветхим раввином Ароном. Он уходит в себя и становится индивидуалистом, отрицателем общественности» [4:111]. Таким образом, Минский, обращаясь к историческому прошлому, показал неприемлемость каждого из этих путей для еврейского народа (а значит, косвенно выступил поборником сионизма – движения за возвращение евреев в Палестину).

Интересно заметить, что Л. Коган приписывает проповедь непротивления раввину, а Львов-Рогачевский – де Кастро, отказавшемуся мстить полякам.

Мастерство Минского-драматурга позволяет нам увидеть в двух главных героях не просто носителей конкретных идей, но живых людей: противоречивые чувства вызывает как де Кастро с его готовностью сказать влюбленным, чтобы привлечь на свою сторону молодую княгиню, так и Аарон, хладнокровно отправляющий на гибель женщин и детей. И в итоге оказывается, что стоический героизм одинокого «я» бесцелен и бесплоден. Трагические поиски собственного особого пути развития роднят стихотворную драму Минского с русской исторической драматургией 50-70-х годов, прежде всего с трилогией А. К. Толстого, в которой во главу угла также ставится проблема национального выбора.

Нам не удалось отыскать сведений о постановке этой драмы. Возможно, сам автор не предназначал ее для сценического воплощения ни на русской, ни на еврейской сцене (еврейский театр с 1883 г. находился под запретом). На какое-то время пьеса Минского была, к сожалению, забыта, хотя, по мнению Львова-Рогачевского, «историческая драма из эпохи Богдана Хмельницкого полна тех же сомнений и чувства безвыходности, которыми было пропитано большое поколение... Но эта драма, полная метких и ярких характеристик, глубоких обобщений, должна занять видное место в истории русско-еврейской литературы» [4:107].

Основная проблема драмы – не просто проблема выбора не просто между ассимиляцией и верностью традициям, но и между действием и бездействием, остро поставленная автором и доведенная до трагического завершения, прочно укоренилась в еврейской и русско-еврейской драматургии вплоть до середины XX века. Так, еще в комедии «отца еврейского театра» Авраама Гольдфадена «Цвай Кунилемлех» («Два Кунилемля») шутивая борьба между студентом-медиком и религиозным фанатиком-ешиботником, во всем полагающемся на Бога, оканчивается победой студента. И в драматургии начала XX века (пьесах П. Гиршбейна, Д. Айзмана, С. Юшкевича), и даже «Семье Овадис» Переца Маркиша, написанной в 30-е годы, непременно сталкиваются носители двух этих начал, причем далеко не везде энергичная действенность ассимиляторов (а потом и

революционеров) вызывает симпатии. И это свидетельствует не только о продолжительности трагически-противоречивых поисков евреев российской диаспоры, но и о прозорливости Минского-драматурга, наметившего один из основных путей развития еврейской драматургии.

Литература

1. Еврейские хроники XVII столетия : (Эпоха «хмельниччины») / исслед., пер. и коммент. С. Я. Борового. — М.; Иерусалим : Гешарим, 1997. — 288 с.
2. Искусство и литература // Одесский листок. — 1888. — 10 марта. — С. 3.
3. Коган Л. Н. Минский // Еврейская русскоязычная литература: монография / Л. Коган. — Иерусалим, 2000. — С. 128—129.
4. Львов-Рогачевский В. Л. Русско-еврейская литература / В. Львов-Рогачевский ; введ. ст. Б. Горева. — М. : Госиздат, Моск. отд-ние, 1922. — 162, II с.
5. Минский Н. М. Осада Тульчина : ист. драма / Николай Минский // Родной голос : страницы русско-еврейской литературы конца XIX — начала XX в. — К., 2001. — С. 129—210.
6. Русско-еврейская литература // Краткая еврейская энциклопедия: в 11 т. — Репринт. изд. — М., 1996. — Т. 7. — Стб. 525—552.
7. Самсонова О. Н. Творчество Н. М. Минского: феномен этнокультурного самоопределения писателя : автореф. дис. на соиск. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / О. Н. Самсонова ; Ишимский гос. пед. ин-т им. П. П. Ершова. — Тюмень, 2009. — 25 с.
8. Чанцев А. В. Минский Николай Максимович / А. В. Чанцев // Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь. — М., 1999. — Т. 4. — С. 79—84.